Пульс убежал в толпу

Артем Носков. Муравьиная дробь. — Пермь: Сенатор, 2016

Вторая книга Артёма Носкова отчётливо отличается от первой — «Рефракции». Стихотворения из первой книги я бы охарактеризовал так: тексты, которые вызывали у читателя эффект «понимания, близкого к полному», которые как бы содержали в себе следующую авторскую презумпцию: «я выстроил текст и знаю, чему тут удивляться и что тут понимать». Этого почти нет в «Муравьиной дроби». Об этом отсутствии и речь.

Конструкции теперь у Носкова стали почти не видны. Строки сузились, словам не приходится скрепляться с помощью тяжеловесных местоимений и союзов. Стихи больше не городские, Носков как будто почти отказался от города. Всё здесь похоже на детство, состоящее из широких пространств, полных светящихся существ и предметов, подсвеченных воспоминаниями. Например, детские драгоценности: раскуроченные механизмы предложений, фантики из-под образов, пыльная память на высокой книжной полке. Например, жующий малиновую луну медведь, ангелы, едущие на вахту в Сибирь. Кто они? Образы, переплывающие друг друга.

Носков теперь погружён в себя, он вытягивает впечатления изнутри, выстраивая их в тексты. Ассоциации приходят и уходят. Слова пока что остаются. Субъект стихов — молодой человек, который чувствует ограничивающую избирательную силу своей памяти и доверяющий ей, при этом воспринимающий эти ограничения как форму для своих стихотворений. Он ищет баланс между формой и тем, что хочет высказать. Держится за кромку тающую. Носков остро ощущает, что может выглядеть в тексте для читателя как «живое воспоминание», а что нет, и умело этим пользуется. Память — главное теперь. Качества этой памяти: большое количество неопределённостей, неясностей, отличие себя сегодняшнего от себя бывшего (детского). Носкову-поэту, как я думаю, неясны причины происхождения вещей, событий. Никто не ответит, почему так. Даже стихотворение закончилось, а понять не успел — и не надо. Ощущения опережают образ (да ну!).

Мир в теперешних стихотворениях Носкова бережно разделяется на предметы и восприятия, а автор только намечает некоторые «точки сборки». Камешки по воде фонетики: воспоминания и так нецельны, бесцельны... Они распыляются, шаги слишком мелкие, будто твои следы стоят на месте/вместо тебя, а ты сам — впечатлительный ученик своей памяти, но она старше и внимательнее тебя.

Устройство некоторых стихотворений из «Муравьиной дроби» сходно, как мне кажется, со стихами из мандельштамовского «Камня».

Это талые птицы у окон
твоих
Неизвестный сложили
маршрут.
Если ты этой ночью
подышишь на них,
То к рассвету они оживут.

Два важных образа раннего Мандельштама: туманные печальные птицы и узор, оставляемый творцом. Неясность ощущения хрупка и беззащитна, и там, где у Носкова слова, уставшие от метра и собственных смыслов, отказываются складываться с другими в образы, там у меня возникает нежное недоумение, которое нужно преодолеть хотя бы для того, чтобы чуть-чуть воспринять ломкий мир.

Такая беззащитность прошлого заставляет вспомнить ещё и стихи Алексея Решетова. Память в стихах Решетова, правда, более линейна, но схожи стихи этих двух поэтов, по-моему, фиксацией процесса усиленного вспоминания того, от чего пишущий субъект не может отделаться: от слишком травмированного или, наоборот, слишком счастливого детства, от забывающихся запахов и окружающих мест, которым только и осталось, что пробиваться сквозь слова стихотворений.

Я надеюсь, в будущем в стихах Носкова яснее станет видно доверчивое удивление неказистостью слов человеческих, лёгких и неловких, которые невечны хотя бы потому, что бумага бела, а сквозь неё — шум. Что мы слышим: муравьиную дрожь или дробь? А пульс — где-то в толпе, вне текстов Артёма Носкова. Теперь сердцебиение чувствуется из-под земли.

Руслан Комадей